

О философской оправданности хайдеггеровского обращения с языком*

А.В. Парибок

В статье систематизированы языковые новшества Хайдеггера философского письма, которые проанализированы на примерах, и на этом основании показано, что между содержательными задачами Хайдеггера и его способом их изложения имеется закономерная взаимосвязь. Называются общепринятые в философском тексте вплоть до 1920-х гг. языковые конвенции, касающиеся устройства и способа введения и использования терминологии, а также терминологической насыщенности текста. Как оказывается, все они были серьезно нарушены в *Sein und Zeit*, а затем в работах позднего периода. Хайдеггер терминологизирует некорневые морфемы, создает бескорневые слова (*umhaft*), нарушает запрет на тавтологичность суждений (*die Welt weltet, die Sprache spricht*), порождает чрезмерно перегруженные композиты (*Gewissen-haben-wollen*), обрывает отточием синтаксические конструкции управления (*Fragen nach...*, *Anfragen bei...*). Наконец, достаточно многочисленны терминологические неологизмы с намеренно многозначной деривацией, все варианты которой должны быть учтены для адекватного понимания текста (*Abkünftigkeit, Vorhabe, vorgängig* и др.). Вместе все эти нововведения не только претендуют на создание нового канона функционального философского стиля, но и побуждают читателя к выработке обновленного умения понимать текст. Релятивизируется незыблемое прежде противопоставление лексемы (в том числе термина) как схватываемой умом в неподвижности единицы языка и синтаксической конструкции как требующей движения мысли. Благодаря этому читатель получает шанс выработать способность к присутствию при деятельности своего ума, а именно это присутствие, но не предметно сфокусированная мысль, и открывает, по Хайдеггеру, нам бытие как не некий предмет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантика, синтаксис, Хайдеггер, неологизм, понимание, бытие, функциональный стиль, однозначность, процессы понимания.

ПАРИБОК Андрей Всеволодович – кандидат филологических наук, доцент философского факультета СПбГУ.

paribok6@gmail.com

Статья поступила в редакцию 4 марта 2018 г.

Цитирование: *Парибок А.В.* О философской оправданности хайдеггеровского обращения с языком // *Вопросы философии.* 2018. № 11. С. 176–189.

Wovon man nicht sprechen kann, darüber muß man schweigen.
Wittgenstein
Aber jemeiniges Schweigen läßt die Sprache sprechen.
Heidegger

* Исследование поддержано грантом РФФИ, проект No 16-03-00806 «Методологические проблемы исследования истории философии в контексте переводоведения».

© Парибок А.В., 2018 г.

Традиционные нормы философского письма

Мера содержательной философской оригинальности Хайдеггера весьма велика, однако не менее самобытен он и как пишущий по-немецки автор. И когда не согласный с Хайдеггером мыслитель, например, Карнап, старается доказать бессмысленность некоторых его пассажей, то такая критика равно целит и в содержание, и в выражение [Карнап 1993, 11–26]. Общеизвестно, что Хайдеггер произвел масштабную реформу (противники, начиная с Карнапа, сказали бы «учинил порчу») философского языка. А поскольку от столь крупного мыслителя, да к тому же весьма интересовавшегося языком, нам естественно ожидать гармонии выразительных средств и содержательных задач, поучительно было бы систематизировать новшества его письма, а затем выяснить, насколько они оправданны по существу. Для начала же опишем фон, на котором выделяются эти нововведения, то есть неизменно соблюдавшиеся авторами философских текстов Западной традиции¹ важнейшие договоренности или нормы письма, следования которым оправданно ожидали от философов их читатели. Мы, пользуясь терминологией позднего Витгенштейна, сформулируем некоторое подмножество правил языковой игры, которая называется западной философией.

1. Содержательная разница между терминами и обычными словами должна быть ясна читателю.

2. Слова, не являющиеся терминами, должны употребляться обычным способом.

3. В своем качестве языковых сущностей философские термины не должны отличаться от обычных слов – они суть просто особые слова или особые значения слов (см. книгу пятую «Метафизики» Аристотеля). Все термины суть целые полнозначные слова – существительные (*трансценденция*), прилагательные (*трансцендентальный*), глаголы (*трансцендировать*) или наречия (*трансцендентально*). Терминов-союзов, артиклей, местоимений или терминов в виде частей слов не бывает. Хотя можно было бы в приведенном примере считать корень *трансценд-* терминологическим в немецком и русском языках, естественнее и привычнее видеть здесь гнездо родственных терминов, каждый из которых есть слово.

4. Термины в огромном большинстве своем должны быть унаследованы от предшествующих авторов.

5. Новые термины должны вводиться в тексте с помощью понятных выражений. При этом иной раз предпочитают сначала ввести термин, а потом уж им пользоваться (как это делает Спиноза в «Этике»)², хотя такую манеру нельзя считать обязательной и она напоминает обыкновенные математиков.

6. Термины должны быть однозначны, в отличие от обычных слов, чаще всего многозначных, и тем более от поэтических словоупотреблений. Нередко это требование выступает в усиленной форме. Тогда одной из задач философии считают очищение обыденной неряшливой речи от неоднозначности.

7. Термины составляют незначительное меньшинство всех полнозначных слов в тексте – и как часть словника, и по числу вхождений (в математическом тексте, заметим, это не так).

8. Философские термины, будучи подклассом слов, и выражения мыслей, будучи подклассом предложений, должны соответствовать нормам, установленным соответственно для слов и для синтаксических конструкций, прежде всего предложений. Это правило не специфично для философии, поскольку имеет силу также в науках или в праве. Однако открыты и описаны эти правила были философами, сначала Платоном в «Кратиле», где мастерские порождение слов и порождение синтаксических конструкций оказываются профессиональными умениями «законодателя» и «диалектика», а затем Аристотелем, изобретателем суждения («высказывающей речи»).

С позиции читательских ожиданий нормы слов и синтаксических конструкций таковы: 1) слово в тексте есть то, что можно и нужно *опознать*; оно почти всегда уже известно, и его известность есть предпосылка уместного им пользования. Если оно оказалось неизвестным или непонятым, о его значении можно справиться – отыскать в тексте определение термина или, в крайнем случае, свериться со словарем. Трудности

с пониманием слова двояки. Бывает, что трудное слово является неизвестным читателю обозначением известной ему вещи или содержания, например «прясло» — «часть забора от столба до столба». Бывает и наоборот, когда известное слово выражает пока еще непонятное читателю мыслительное содержание. Например, слово «аффект» в философском тексте отличается по значению от уже известного читателю: «крайняя степень страсти, доводящая до беспамятства». Появление же в тексте слова, *одновременно* трудного в обоих отношениях, воспринимается как изъясн. Согласно поговорке, нельзя объяснять неизвестное непонятным. Пользование такими словами характерно для других языковых игр, в которых объяснение не существенно — например, для колдовских заговоров или заумной поэзии.

2) Предложение, в том числе придаточное, есть то, смысл чего читатель должен синтезировать из составных частей, осуществив движение мысли. В общенародном языке исключения составляют пословицы и поговорки. Например, смысл выражения «не в свои сани не садись» не синтезируется из смыслов слов, а должен быть опознан, подобно слову. Однако философских пословиц не существует и не может существовать³. Далее, в нормальном повествовательном предложении, то есть, по Аристотелю, в языковом субстрате суждения *есть что* синтезировать — за ним должно скрываться содержательное движение мысли. Поэтому тавтологические выражения, как атрибутивные, так и предикативные — «старый старик», «дурь дурит» — не приветствуются.

Хайдеггерovy языковые новшества

Теперь обсудим, насколько соблюдаются сформулированные правила в текстах Хайдеггера. Нас, конечно, прежде всего занимают отклонения (среди 90 томов сочинений философа есть немало страниц, демонстрирующих традиционный способ письма), поэтому преимущественное внимание мы будем уделять *Sein und Zeit* [Heidegger 1967], где все типы новинок были впервые и массово введены в текст; учитываться будут также и некоторые поздние вещи. При этом мы пойдем от менее ко всё более странному.

Умеренные, или Создание нового канона. Прежде всего, правило № 4 заведомо нарушено в изобилующем новой проблематикой *Sein und Zeit*, но такое нарушение можно считать содержательно оправданным.

Там же весьма часто не соблюдается и правило № 1. Ведь невозможно однозначно решить, каков статус слова *Angst* (у Библихина «ужас») — то ли Хайдеггер просто углубляет наше познание уже известного нам предмета, ужаса, и тогда он пользуется обычным немецким словом, то ли он на основе слова породил неотличимо от него звучащий термин, выражающий понятие, и описывает реальность этого понятия. То же относится и к «заботе», «толкам» и т.п.

Коль скоро правило № 1 не соблюдается, то нет критерия, позволяющего судить о соблюдении правила № 2.

Не соблюдается правило № 3. Например, терминологизировано неопределенно-личное местоимение *man* > *das Man*, в переводе Библихина «люди»⁴; в § 2 *Sein und Zeit*, при обсуждении формальной структуры вопроса о бытии (*fragen, ausfragen, befragen, erfragen* «спрашивать, опрашивать, выспрашивать, допрашивать»), терминологизированы приставки *aus-*, *er-* и *be-*, то есть *части* слов. При этом один из порожденных терминов, *erfragen*, оказался еще и неологизмом. В большом немецком толковом словаре *Duden* он отсутствует до сих пор.

Сомнительно в *Sein und Zeit* соблюдение правила № 7. Количественный подсчет был бы неуместен, но густая терминологическая насыщенность не перестает озадачивать весьма многих.

Нарушения, отнесенные нами к умеренному типу, неоднократно встречались в философских текстах и до Хайдеггера, например в поздней схоластике или у Гегеля, однако у Хайдеггера они значительно концентрированнее. В результате же у вдумчивого читателя зыблются привычные ориентиры; может проявиться склонность отнести к тексту не просто как высокоинтеллектуальному и содержательно сложному, но и как к требующему разбора и понимания выражений, то есть экзегетики и герменевтики. Теряет

непременность и различие между предзаданными языком смыслами и смыслами, порождаемыми в самом тексте: всё больше смыслов тянет отнести к текстовым, а не к языковым. Так, *Angst* уже не столько немецкое слово, сколько слово речи и текста *Sein und Zeit*. А ведь подобное отношение к тексту, когда перестаёшь различать его и язык, имеет в культуре лишь один прецедент — это канонические и священные тексты. Хайдеггер пишет в такой манере, что подталкивает читателя отнестись к своим творениям так, как буддийский философ относится к текстам Трипитаки: известно, что в сутрах Будды все совершенно и по содержанию, и по выражению, вплоть до морфемы. И уж во всяком случае так, как поздний схоласт воспринимал труды Аристотеля.

Ведь не случайно, что замечательный и одновременно требующий невероятных усилий по пониманию библихинский перевод *Sein und Zeit* следует переводческим принципам, которым в истории переводной философии ближе всего соответствуют тибетские переводы санскритских буддийских текстов, то есть бесспорно канонической литературы. Здесь и поморфемное калькирование, и воспроизводство внешнего устройства текста, и бестрепетное использование выражений, крайне неестественных для языка перевода, и т.п.⁵

Радикальные, или Создание новой читательской деятельности. Попрание Хайдеггером правил №№ 3, 5, 6 и в особенности № 8 приводят к еще более масштабным результатам, нежели порождение нового канона, безусловно состоявшееся, но не приведшее к вытеснению старых канонов, а стало быть, породившее диатрибу⁶ хайдеггерианцев. Общая направленность этих радикальных новшеств такова: в пространстве языка ими разрушаются границы между типами языковых сущих и порождаются новые, небывалые их типы, а в умственной деятельности читателя релятивизируются старые способы понимания и языкового мышления и творятся новые.

1. Бескорневые недослова

Одно из диковиннейших созданий Хайдеггера — *umhaft*⁷ (§ 21 В). У Библихина в русском переводе это «окружное», конечно, неологизм, но не останавливающий на себе внимание. А вот в подлиннике мы имеем слово без корневой морфемы, составленное из префикса *um-* ‘об[о], кругом’ и суффикса *-haft*. Последний, собственно, выражает наличие признака и/или сходства, как в *tugendhaft* ‘добродетельный’, но инерция медленного чтения заставляет вспомнить и о глаголе *haften* ‘приставать, прилипать’. В поморфемной передаче мы имели бы ‘обоватый / обный / обистый’⁸. Содержательно это словечко описывает пространственность присутствия, такое обстояние дел, что одновременно удерживается в наличии некоторый центр, то, «по поводу чего» или «вокруг чего», но при этом никак не обращают намеренного внимания на содержание этого центра; примерно выходит «то обстоятельство, что вокруг одного — ему иное».

Как вещь в языке, *umhaft* оказывается чем-то крайне напоминающим описываемый им как средством смысл, а то и примером его. В самом деле: в полноценном немецком или русском слове тем, вокруг чего нечто иное может находиться, всегда бывает корень, — так же как то, вокруг чего, по содержанию мысли Хайдеггера, обстоит это «окружное», всегда бывает *Dasein*. Если же абстрагироваться от корня — опустить его — то останется сочетание деривационных морфем, обступившее, «облипшее» со всех сторон неназванное пустое место ‘обо-Ø-ное’ = *um-Ø-haft*. Стало быть, выражение непосредственно уясняется и служит первичному усвоению содержания, излагаемого здесь же в тексте дискурсивно. Соответствие типов внеязыкового сущего языковым вещам — известная классическая тема, разработанная уже авторами «Грамматики Пор-Рояля»⁹. Но вот то, что мышление углядело в устройении *Dasein*’а не субстанцию, не акциденцию, а всегдашнее, но прежде не замеченное *Umhafte*, и терминологически обоснованно закрепило это не нормальным существительным или прилагательным, но — с языковой точки зрения — престранным выражением, — это уже заслуга Хайдеггера.

Несколько раз встречаем в тексте *Inheit* — бескорневую ‘в-Ø-ность’, наряду с частым и тоже чудным, хотя и в меньшей мере, выражением *Insein* «бытие-в» (у Библихина). Так обозначается один из аспектов бытия-в-мире (*In-der-Welt-sein*). Этот аспект

самостоятельно не дан Dasein'у, а потому обозначен так, что на роль обычного онтического немецкого слова не годится. Но в онтологической позиции он тематизируем, а стало быть, и терминологизируем. И как тематизация не влечет в данном случае за собою опредмечивание, так и Inheit не стало содержательно (предметно) полноценным существительным.

Так же устроен и *mithaft* 'со-Ø-стый', 'со-Ø-ватый'. В данном случае важно, что Хайдеггера не занимает, с чем он *-стый* или *-ватый*. А не то можно было бы сказать «снабжённый или сопровождаемый чем-то»; но ведь такое выражение называло бы опредмеченность, пребывание в качестве наличного (*vorhanden*), а не подручного (*zuhanden*). Хайдеггера же занимает дорефлексивное устройство Dasein'a.

С некоторыми оговорками к данному типу стоит отнести и часть слов с полусуффиксом *-sein* 'бытие/ -ние /-ство', например *Mitsein* 'вместе-Ø-ство', *In-sein* — не только 'бытие-в', как у Библикина, но и "в-Ø-ство", и *In-der-Welt-Sein* 'в[нутри]мирство'.

Встречаясь с подобными недословами, переживаешь умом нечто подобное тому, что испытываешь, поднимаясь по лестнице в неосвещенном подъезде: вот нога поднята, ищет ступеньку, а ее-то и нет, ступня зависла в пустоте. Ведь очередной марш уже остался позади, и ты оказался на площадке следующего этажа. При этом как никогда ясно замечаешь движение ноги, совершаемое ею действие и встречное ожидание опоры, что в иных случаях, из-за давнишней привычности, остаётся безотчетным. И как в подъезде продолжаешь подъем с возросшей осмотрительностью (*Vorsicht*), так и читая *Sein und Zeit*, учишься присутствовать при действиях своего ума — опознающего и понимающего слова, ожидающего от каждого весомого слова краткой остановки и опоры в продвижении вверх, к дальнейшему смыслу текста.

2. Синтаксическое заикание при разговоре о...

Тому же обращению внимания на свои читательские ожидания и навыки проработки текста способствует и широко используемый Хайдеггером обрыв глагольного управления отточием вместо привычной замены дополнения местоимением, чего он последовательно избегает. Лексикографы пишут: «соотносить (соотнесение) с чем-либо», «направленность на что-либо», «размышление о чем-либо», и мы присваиваем эти языковые выражения, как и положено, а наша мысль течёт, не затрудняясь, вперёд. Принятое в словарях оформление грамматических помет курсивом означает, что мы имеем дело не с собственно первичной речью, а со ссылкой на *чужую* возможную речь. Но, наталкиваясь то и дело на такие написания: «обитание при...» (§ 40), «освоенность с...» (§ 40), «в самонаправленности на... и постижении» (§ 13), «допрашивание у... спрашивание о...» (§ 2), «склонны понимать это бытие-в как 'бытие в...» (§12), «быть, понятое как инфинитив от 'я емь', то есть как экзистенциал, значит обитать при... быть доверительно близким с...» (§ 12), мы понимаем, что это *для кого-то своя* (*jemeinig*) речь, и, стало быть, философ, в отличие от языковеда, не цитирует говорящего, а предоставляет слово Dasein'у. Движение нашей мысли по тексту приостанавливается, зависает, и остановка вынуждена заметить саму себя; она становится ясна и присутствует для ума.

Итак, мы, во-первых, имеем уже и лексические, и синтаксические заминки, способствующие осознанию остановки читательского ума на некотором внутритекстовом сущем. Во-вторых, поколеблено различие между словами и синтаксическими выражениями: ведь нарушения в обоих случаях совершенно однотипны, тогда как ранее читатель был накрепко приучен к тому, что со словами обращаются не так, как с синтагмами.

3. Тавтология тавтологична?

Внезапное затруднение, остановка ума при понимании слов случается, когда Хайдеггер предлагает нам присвоить как слово то, чего, по нашему разумению, явно маловато для слова. Так же и с глагольной синтагмой — без соответствующего, прямого или косвенного, дополнения или его местоименного следа синтагма неполна. А в предикации неполнота, приводящая всё к тому же зависанию мысли, осуществляется как

тавтология. Традиционная трактовка суждения требует *перехода* от субъекта к предикату, но такой переход невозможен — мысль топчется на одном месте — если подлежащее и сказуемое лексически значат одно и то же, а отличаются только грамматически. Хайдеггер стал знаменит благодаря таким предложениям: вызвавшей восторг многих фразой *die Sprache spricht* «речь речет»¹⁰; привлекая к себе сердитое внимание Карнапа *das Nichts nichtet* «ничто ничтожествует» (русский эквивалент явно бледен); а также *die Welt weltet* «мир мирует», *die Zeit zeitigt sich* «время себя временит». Заметим, что таких выражений у философа совсем немного. Они никогда не употребляются при разговоре о внутримирном сущем¹¹, но только о темах мысли, ближайшим образом сходных с теми, по поводу которых Кант формулировал свои антиномии¹². Бесспорно, каждому такому предложению можно отыскать и содержательное оправдание. Приведу беглые соображения. Прежде всего, во всех случаях тавтологическая предикация применена к предметам, к которым некорректно прилагать в качестве предиката бытийный глагол (мы отвлекаемся от поднятого Кантом вопроса о том, предикат ли глагол «быть»). 1) О языке/речи неправильно было бы сказать «речь есть», ибо такое выражение заключало бы логическую ошибку порочного круга. Если имеется «речь есть», и это есть нечто разумное, то требуется указать тому достаточное основание. Но в самом высказывании «речь есть» уже воспользовались речью, ведь заключенное вот тут в тексте в кавычки тоже есть речь. Но и «речи нет» тем более неправильно, ведь вот же она, речь, в речи «речи нет». Что же остается сказать о речи? Только то, что речь речет. 2) Сказать о ничто, что оно есть, неверно по смыслу слова «ничто», а сказать, что его нет — это столкнуться с трудностями, приведшими Рассела к различению дескрипций и логических собственных имен. Хайдеггеру же Расселов объективирующий ход мысли, неразрывно связанный с расщеплением речи на язык-объект и метаязык, совершенно противопоказан. Остается заметить, что *das Nichts nichtet*. 3) Чтобы сказать что-то о мире, допустим, что «мир *есть* вместилище внутримирных сущих», нужно уже согласиться, что «мир *есть*». Но мир ведь не «есть», ибо «есть» сказывается о сущем *в мире*. Это настолько же верно, как то, что если я *вижу предметы* в поле зрения, то неправильно сказать, что я вижу *само* поле зрения. В выражении *die Welt weltet* глагол *вдобавок* намекает на однозвучный с ним, вполне поэтически возможный, пусть и не существующий каузатив **wältet* = [Dasein] *walten lässt*, т.е. «мир [таков], что дает присутствию распорядиться в нем». 4) О «*die Zeit zeitigt sich*» см. [Черняков 2001], к чему мне нечего добавив.

Таким образом, для специфических, фундаментальных предметов мысли привычное различие между смыслом слова и смыслом предложения, между понятием и суждением, между наличным для меня представлением как покоем моего ума при нем и суждением, как движением мысли оказывается предрассудком. Но это констатация содержательного положения мыслительных дел. В деятельностном же аспекте Хайдеггера техника письма предъявляет существенно новые требования к понимающей способности читателя. Если читатель полагает, что он уже твердо знает, как надо понимать философский текст, и применяет свои сложившиеся навыки, берясь за Хайдеггера, то быстро обнаруживается, что текст непонятен. А если к тому же читатель убежден, что других способов понимать и не бывает, то текст для него оказывается полон вздора, как для Карнапа¹³. Но если читатель способен учиться философскому чтению заново, то у него имеются хорошие шансы заметить, что же он собственно делает, читая текст.

4. Многосложно-составно-сверх-слова

Трем рассмотренным приемам противостоит использование столь многочисленных композит, что они превосходят меру даже немецкого словосложения¹⁴, но притом они выдаются за слова, а не словосочетания, поскольку части соединены дефисами. В *Sein und Zeit* примеры таких выражений многочисленны: «падающе-разомкнутое, брошенно-бросающее бытие-в-мире» (§ 39); «Свобода однако есть лишь в выборе одной, значит в перенесении не-имения-выбранными других и неспособности-выбрать-также-и другие» (§ 58); «себя-так-само-по-себе-кажущее» (§ 8. А. Понятие феномена) и т.д. Продолжая

мое сравнение с подъемом по лестнице, здесь читателю предлагается, напротив, преодолеть в прыжке целый марш, словно ступеньку, а невозможность совершить это вновь заставляет его обратить внимание на то, какие мыслительные действия он осуществляет.

5. Многоветвистое древо деривации

Наконец, рассмотрим радикальнейшее новшество Хайдеггера – его намеренный отказ от однозначности терминов.

5.1. Традиционное понятие истины по Хайдеггеру и термин *Abkünftigkeit*. Трактовка традиционного философского понимания истины терминологически закреплена у Хайдеггера выражением *Abkünftigkeit*. Это виртуальное (не словарное, но вполне возможное) слово, и потому оно останавливает на себе внимание читателя. В качестве языкового явления оно будет естественно толковаться несколькими равно возможными способами:

а) как производное от *Abkunft* ‘происхождение’ и [устар.] ‘соглашение’;

как родственное словам:

б) *Abkommen* ‘соглашение’,

в) прилагательному *abkömmlich*, описывающему ситуацию ‘обходиться без чего-либо’;

г) глаголу *abkommen*, который в числе прочего означает ‘отклониться от нужного направления’;

д) как производное иным способом от *Künftigkeit* ‘будущность’ с отменяющей приставкой *ab-*.

Я полагаю, что такие смыслы были предусмотрены в организованном Хайдеггером процессе понимания данного термина, ибо слово изготовлено им, а не взято как нечто заранее известное. Да и в целом слог *Sein und Zeit* постоянно принуждает к весьма замедленному, отвлекающемуся на средства выражения чтению, поэтому не думаю, что мои сопоставления произвольны.

А содержательные соображения Хайдеггера о философском понятии истины, приводимые в тексте значительно позже, чем впервые употреблено слово *Abkünftigkeit*, вкратце таковы. Традиционное понятие истины являлось предметом согласия между философами. Кант также не посягал на него. Тем не менее оно опирается на до сих пор философски не проясненный изначальный феномен, а тем самым отклоняется от верного направления. Прояснение же его продемонстрирует вторичность данного понятия; тем самым это последнее будет превзойдено и останется в прошлом философии; у него нет будущности. Я возможно проще пересказал *часть* содержания, излагаемых Хайдеггером в § 44 *Sein und Zeit*, чтобы можно было заметить: понимание неологизма приводит читателя к смыслу, вполне согласным с содержанием рассуждающей мысли.

Естественно, что понимание (*Begreifen*), принятие этого воззрения (*Ansicht*) в качестве своего, то есть ‘обладание’ (*Haben*) им, осуществляется по прочтении самого текста, трактующего и критикующего традиционную концепцию истины. Однако в термине, закрепившем авторское отношение к ней, читатель имеет уже, опять-таки в терминах (как одновременно и виртуальных, и наличных словах) самого Хайдеггера, *предпонимание*, *предусмотрение* и *предвзятие* (*Vorgriff*, *Vorsicht*, *Vorhabe*; см. *Sein und Zeit*, § 32). В тексте, темой которого не является язык, слова неизбежно даны как «подручные» (*zuhandene*), «утварь» (*Zeug*). По содержанию мысли Хайдеггера, прежде чем стать предметно-наличными (*vorhanden*), сущие находятся при нас как подручные. В согласии с этим и словно выступая примером тому, слово со смыслом находится «под рукой», дотематически, а затем его смысл оправдывается разворачиванием логоса как $\alpha\lambda\omicron\upsilon\acute{\alpha}\nu\sigma\iota\varsigma$ ’а (*Sein und Zeit*, § 7б).

Назовем термины, намеренно устроенные подобно *Abkünftigkeit*, многоплоскостными. Делёз [Делёз 1998, 67–74], обсуждая отчасти сходные образования в творчестве Льюиса Кэрролла, называет их словами-бумажниками.

5.2. Другие многоплоскостные слова. Хайдеггер вообще часто прибегает к созданным им самим либо же имеющимся уже в языке словам, заведомо выражающим более одного

смысла разом. Достигается это разными приёмами: скрещенной деривацией по двум направлениям; оживлением поморфемного смысла как наличного наряду с узуальным значением слова и пр. Не обязательно предполагать в каждом таком подручном слове потенцию, разворачиваемую затем дискурсивно, как это оказалось с *Abkünftigkeit*. Часто многозначность остаётся лишь в нижнем слое языка. Вот примеры:

1. Употребительное в языке только как канцеляризм ‘вышеозначенный’ прилагательное *vorgängig* в *Sein und Zeit* используется, но не толкуется, способами, которые совместимы с такими смыслами: ‘процессуальный’, ‘образцовый, примерный’ (оба от *Vorgang*); ‘относящийся к прецеденту’ (от него же); ‘предшествующий, предварительный’ (ср. *vorangehend* и *Vorgänger* ‘предшественник’); наконец, с другой деривацией, как ‘предшествующий (*vor-*) по отношению к общеупотребительному, расхожому (*gängig*)’, то есть ‘фундаментальный’. Какие-то из этих смыслов подтверждаются фактически, другие могут скорее выражать программную установку или претензию. Но слово это остаётся оперативным средством и не получает тематически-дискурсивного развёртывания.

2. *Übertrifftig*, естественно понимающееся как синоним *übertreffend* ‘превосходящий’ и как *über* ‘сверх’ + *trifftig* ‘убедительный, основательный’.

3. Существующее слово *un-heimlich*, будучи написано необычным, этимологизирующим образом через дефис, а не слитно, получает, помимо своего узуального значения ‘жуткий, зловещий’, еще одно: ‘не тайный, не сокрытый’; также (возможно, не без натяжки, поскольку суффикс должен быть другим, *-isch*) ‘не свой домашний, не нашенский’. Если дискурсивно развернуть эти смыслы (чего Хайдеггер не делает), то вышло бы примерно сартровское *l'enfer c'est les autres* (*ад — это другие*).

4. Такую же, не менее чем двойную структуру, имеют все три термина — *Vorgriff*, *Vorsicht*, *Vorhabe* — описывающие предструктуру понимания.

5. В «*Spruch des Anaximander*» [Heidegger 1994, 327] *hin-reichend* употреблено, как поясняет себя сам текст, в обоих значениях: узуальном ‘достаточный, удовлетворительный’, и этимологическом ‘досигающий’. Далее читаем: *Das Altertum, das den Spruch des Anaximander bestimmt, gehört in die Frühe der Frühzeit des Abend-Landes. Wie aber, wenn das Frühe alles Späte... noch und am weitesten überholte?* Здесь первое предложение, буквально переводимое как «Древность, которая определяет изречение Анаксимандра, относится к ранней рани Запада», благодаря этимологизирующему написанию слова ‘Запад’ как ‘страна вечера (*или* заката)’, получает одновременно с этим и смысл «изречение Анаксимандра, как самое раннее, определяет становление того, что стало Западом и что теперь находится в своей вечерней/закатной поре». А последующая фраза постановкой *überholte* в придаточном предложении устраняет однозначность и позволяет понять слово и как глагол с отделяемой приставкой, и неотделяемой, то есть и как *überholen* ‘перевозить [на этот берег, сюда]’, и как *überholen* ‘опережать’ и ‘подлатать’. В целом имеем синкретически выраженные смыслы: «А что, если прежнее опередило позднейшее (то есть, скажем, раньше прошло тем путем, которым следует идти последующим)? Не может ли прежнее подлатать настоящее и переправить его к самому себе — помочь ему понять себя?»

Каковы же для философии последствия настойчивого применения таких выразительных средств? Одно- и многозначность слова стали предметом философского интереса по меньшей мере у Аристотеля, и он положил много сил на описание усмотренных как различные значений греческих слов, употребленных понятийно. Многозначность принималась как неизбежное, но нежелательное свойство повседневной речи, и с ним обычно пытались справиться анализом и указанием в сомнительных случаях, в каком из возможных смыслов используется слово. В позитивистски ориентированных философских направлениях XX в. наблюдалась едва ли не одержимость однозначностью. Хайдеггер же, охотно занимаясь анализом многозначности понятийных выражений, в то же время сотворит обычному языку, порождая рассчитано многозначные новые средства. Так почему это обращение со стихией мышления не становится замутняющим и разрушительным — а так наверняка думают многие?

Более конкретно вопрос заключается в следующем:

А) Есть ли *позитивные* для мысли последствия использования слов как неоднозначных?

Б) Как быть с истинностью суждений, составленных из материала таких слов? Ведь в *Sein und Zeit* Хайдеггер упоминает о раз и навсегда установленном Аристотелем месте истины — это суждение.

Традиционно слово как членораздельный знак соотносится с представлением в душе (по Аристотелю), а если мы не сторонники крайнего номинализма, то и означает во многих типичных случаях некий предмет, возможно идеальный. Означение предмета словом и делает последнее знаком. Если слово многозначно в предметном отношении, то оно может соотноситься с более чем одним предметом, и тогда это не единое слово, но омоним, если не в лингвистическом, то в философском понимании. Например, следуя Хайдеггеру разбору слова *Welt* 'mip', мир в онтическом смысле, в онтологическом смысле, а также для мысли, которой не важно разделение онтического и онтологического, были бы тремя омонимичными для философа словами. Если же слово для самой мысли относится к одному предмету, то остаётся сказать, что оно своею многозначностью означает разные аспекты и стороны предмета (таково было требование к правильному имени в Платоновом «Кратиле»). Однако феноменология научила нас понимать, что даже зримо явленный пространственный предмет, эйдос которого у нас есть, предстаёт всегда одним из своих профилей, а узнавание его есть результат соприсутствия других (тыльных, боковых) профилей. Аналогично этому аспекты смыслов многозначного слова суть тогда профили значения (точнее, означаемого) как идеального предмета. Для феноменологии зрительного восприятия эйдос пространственного предмета оказывается устоявшимся и опредмеченным следом осуществлявшихся движений глаз и наблюдателя. Но хотя и возможны возражения реализма, отстаивающего пространственные предметы сами по себе, до присвоения их эйдосов восприятием, в европейской философии не осталось, насколько мне известно, сторонников классического платонизма. А лишь такая позиция позволила бы считать понимание разных граней значения слова схватыванием разных профилей идеи. Если же мы не платоники, то нам запрещено некритично гипостазировать статический результат движения мысли как идею. Вернувшись еще раз к феноменологической концепции зрительного восприятия, можно добавить, что реалистическое полагание наличных зримых предметов изначально основывается на том, что движение глаз или наблюдателя в принципе определяемо. Нет поэтому ничего необычного в том, чтобы один реальный предмет — движение глаз — то ли порождал, то ли находил другой, тоже реальный предмет. Напротив, движение мысли никем, кроме некоторых людей, научившихся наблюдать за своими мыслями¹⁵, не наблюдаемо, оно вовсе не предмет, и не в состоянии открыть некий прежде наличный предмет — значение слова.

Итак, многоплоскостность слов, введенных Хайдеггером в качестве нового средства философского мышления, адекватна самому способу бытия, неотъемлемому от мышления, а именно движению. Оно заставляет читателя быть чутким к самому протеканию своей мысли. Оно также позволяет текстуально различить мысль и языковые следы кем-то прежде осуществленной мысли. В этом смысле можно, пожалуй, утверждать, что классическое философское мышление оставляло гораздо больше возможностей для читателя ограничиться присвоением знаковых следов, не проделав самого мышления-движения, то есть присвоить упорядоченное множество представлений (иногда высокопарно называемых понятиями). Но изобилие слов, которые не суть знаки представлений, крайне затрудняет такое облегченное принятие к сведению хайдеггеровской философии. Классическая концепция значения слов, идущая от Аристотеля, оказалась выражающей лишь частный момент и один из типов событий мысли, тогда как практика многозначности у Хайдеггера отражает общий случай.

Истинность выражений, построенных с помощью многоплоскостных слов, не есть истина суждений, не может быть классическим соответствием содержания и предмета, ибо даже если (как нередко бывает) предмет наличен, содержание имеет свою часть движение, не являющееся переходом от субъекта к предикату и, значит, не имеющее

соответствия предмету. Но она также не есть ни неоплатоническая истинность соответствия мысли ей самой, ни гегелевская истинность тождества тождества и нетождества абсолютной мысли с самой собой, поскольку в этих обеих концепциях истинности сохраняется отождествление мысли с ее содержанием. Не есть она и прагматическая истинность, ибо не предполагает никакого внешнего по отношению к мысли осуществления. Она есть присутствие в ясности, несокрытости самого движения мысли — неубегание от реальности этого движения, что технически *облегчается трудностью* процесса понимания благодаря новизне языковых средств: мысль движется медленно. И потому проще остаться в присутствии этого движения. Сама эта ясность — ни дискурсивная ясность посредством понятий, ни интуитивная ясность посредством созерцания, которые требует Кант и принимает Гуссерль, но более фундаментальная по сравнению с ними обеими и дающая возможность им случиться ясность внепредметного и несодержательного присутствия при наличии содержания или движения содержаний. Итак, *практическое применение неоднозначных слов в суждениях согласуется с Хайдеггеровым понятием истины.*

Построение текстов существенно неоднозначными средствами хорошо известно в культуре. Помимо поэтического, как правило, игрового применения, всерьез они используются в сочинениях, упоминать которые в философской среде не принято: это оккультные наставления, заговоры и т.п. Но проясняющим для нас моментом является то, что такие магические тексты и не считаются по преимуществу дающими знание или осуществляющими познание: это языковые машины, предназначенные для изменения способа бытия тех, кто ими пользуется. Они направляют и преобразуют адептов. Тексты Хайдеггера также производят это воздействие, или, если такого не происходит, то не имеет места и понимание их как носителей знания. Различие между философским и магическим указать несложно: в магии стремятся через изменение себя к обретению результатов среди сущего (к сверхъестественным силам, бессмертию и пр.), а в философии — к прояснению бытия. В индийской интеллектуальной традиции языковые философские машины — дело достаточно обычное; в силу знакомства с ними я и смог увидеть подобное в европейском тексте. Но для Запада изобретение, вольное или невольное, такой машины Хайдеггером, открытие самой этой возможности — беспримерно¹⁶.

Итог

Обозрев все главные типы Хайдеггеровых языковых нововведений, посмотрим теперь, какова по существу связь их с содержательной программой Хайдеггера, заявленной в *Sein und Zeit*: с разработкой онтологии и преодолением гносеологизма¹⁷.

По *предмету* выход за пределы теории познания вынуждает к проблематизации понятия истины, к вопрошанию о способе бытия того сущего, которое называется знанием, о смысле отношения «обладать знанием», выявление онтологической вторичности субъекта познания и др. Это мы находим в соответствующих главах *Sein und Zeit*; правда, Хайдеггера занимает не столько знание, сколько истина, хотя мы могли бы отметить, что целые типы знаний, подлежащие ведению гносеологии, явно не суть ни истинные, ни ложные.

Зато по роду занятия *Sein und Zeit* представляется всё же (или это только обманчивая видимость?) конкретным примером результата познавательной деятельности, изучающей Dasein в видах подготовки постижения бытия. Но ведь бытие, как мы узнаём на первых страницах *Sein und Zeit*, не есть понятие, в том числе понятие бытия, ибо понятие есть некоторое знаниевое *сущее*, а не бытие. Тем более бытие не есть и *объект* познания, да и уточнение, что оно-де скорее *тема*, либо обернется пустой сменой терминологии, либо же словом *тема* просто названо то, чем человек намерен *заняться*, и к знанию касательства не имеет. Больше того, как сказал бы ведантист, слово 'бытие' не означает бытия, ибо бытие вне означаемых словами, вне сущих; ср.: [Зильберман 1972].

Налицо несоответствие способа действия и его предмета. Витгенштейн обезопасил себя последним положением «Логико-философского трактата», а в чем оправданность *Sein und Zeit*?

Я обнаружил ее в специфическом тренирующем воздействии на ум читателя выразительных средств, примененных Хайдеггером¹⁸. Всякий акт мысли имеет своим объектом сущее, то есть никакой мысли бытие не «дано». Когда же оно дано? Или все разговоры о бытии — одно пустословие? К счастью, подобное соображение не пришло на ум Хайдеггеру, когда он задумывал свой трактат, а иначе не читать бы нам *Sein und Zeit*. Похоже, что с фундаментальной онтологией произошло нечто подобное тому, что ранее случилось с исчислением бесконечно малых. Если бы Лейбниц с придирчивостью отнесся к своим конструкциям, он бы обнаружил их необоснованность и противоречивость, но механика не получила бы математического аппарата. Пришлось дожидаться созданной Коши теории пределов, чтобы туманные слова о бесконечно малых величинах обрели математическую строгость. Подобно этому, я полагаю, систематическое развертывание весьма бегло намеченных здесь соображений позволит забыть хайдеггеровские достижения (хотя и не личное мышление Хайдеггера) от отчасти обоснованных упреков в мутности, шаманстве, иррационализме и непричастности мышлению, а равно положить предел подражательному мутному письму эпигонов.

Итак, дано ли бытие? Всё же дано: когда завершилась одна мысль, замерло ее движение, не предстало пока еще никакое представление, случается, и может быть замечен самим мыслящим, промежуток бессодержательной *ясности* и *присутствия* с ней. В нем-то впервые и открывается бытие. Затем движение мысли возобновляется, всплывает представление, и на бытие, затемняя его, накладывается сущее. Хайдеггер, как мы убедились, многое смог сделать, чтобы расстроить главные привычки (читательского) ума: 1) останавливаться на том, что заранее известно как знак представления (в тексте это слово, единица словаря), и 2) двигаться, следуя за сменой знаков представлений (в тексте этому соответствует синтаксическая конструкция, в особенности предикативная, являющаяся основой логики суждений). Этим учащаются события досодержательной ясности — явленности бытия. Но релятивизация покоя мысли как обладания представлением и ее движения, то есть дискурсивности (*discursus* даже этимологически значит ‘пробег’) даёт гораздо больше: деятельность по пониманию такого текста вырабатывает возможность и способность не утрачивать присутствие ясности также и при наличии для мысли покояющегося содержания, и при мыслительном движении. Сохранение ясности при покое мысли на представлении и при ее движении — это и есть явленность бытия, не затемняемого сущим. Способность быть открытым бытию вырабатывается, таким образом, самим штудированием *Sein und Zeit*, а в еще большей мере — некоторых поздних вещей Хайдеггера. Область, в которой это происходит, традиционна: это языковое философское мышление. Однако достигает оно своей цели не как предмета, хотя и не без кажимости предмета.

Я не встретил у Хайдеггера утверждения, что именно и только в философском или вообще языковом мышлении люди обретают и удерживают эту открытость бытию, да и без Хайдеггера знаю, что это не так, ведь будь так, в открытости бытию не было бы сущностно человеческого способа быть. Нет у Хайдеггера и утверждений, будто бы есть содержательно определенные человеческие занятия, закрывающие нам бытие (если такие и существуют, то это просто разрушительные пороки, например пьянство). А тогда возможно сохранение ясности бытия и *после* занятий текстами Хайдеггера, коль скоро приобретается *навык* открытости и сохранения ясности при протекании сущих — не непременно языковых, но и, быть может, телесных действий или зримых содержаний.

По-видимому, осознание несогласованности предмета и цели *Sein und Zeit* побудило Хайдеггера позднее полностью отказаться от систематичности и заняться исключительно совершенствованием письма, проясняющего нам бытие более своим устройством, нежели предметным содержанием. Отсюда у него и сближение философии с поэзией.

В культурах известны и другие эффективные методы прояснения бытия, например, в индийских духовных традициях разработаны способы обращения с *зримыми* образами и движениями; в Китае предпочитают присутствие в ясном *телесном* движении. Хайдеггеров способ — традиционно европейский. Но он же знаменует собою и преодоление

метафизики, как преодоление существенной предметности и/или тематичности мышления. Философское мышление становится языковой деятельностью по прояснению бытия, мыслительной, но не познавательной. Иначе говоря, оно становится методологией — не в смысле *учения* о методе, но потому, что метод прояснения дан в стихии *логоса*.

Примечания

¹ Добавляю это уточнение, поскольку в индийской философии законы составления текстов, конечно, иные. Опираясь на знания из обеих традиций, могу утверждать, что свершение Хайдеггера способствовало сближению их. Этими объясняются ниже приводимые параллели и замечания, учитывающие индийскую философию.

² В индийской философии обычно поступали наоборот: сначала вводили термин, а вскоре после этого разъясняли его.

³ Так — на Западе. В Индии, напротив, они встречаются.

⁴ Здесь и далее цитируются параграфы библинского перевода, единственного полного на русском языке [Хайдеггер 1997].

⁵ В немецкой культуре предшественником Хайдеггера в этом опыте порождения нового канона был Рихард Вагнер. Строго ежегодное исполнение «Кольца Нибелунга», продолжающееся вечер и три дня, несомненно было рассчитано на успешное соперничество с христианским пасхальным ритуалом, занимающим примерно такой же промежуток времени. Подобен Хайдеггер Вагнеру и в тотальности своего творчества: как Вагнер создал не только музыку, но и текст тетралогии, и лично спланировал Байрейтский театр, так и Хайдеггер оказывается автором не только содержания и композиции трактата, но и языка. Впрочем, Хайдеггер, в отличие от Вагнера, не творит свой особый мир.

⁶ Античное выражение куда уместнее, чем нынешнее пейоративное «философская секта».

⁷ В разговоре со мною китайский специалист по Хайдеггеру когда-то давно поделился наблюдением: он спросил у своей квартирной хозяйки — немки в Германии, что означает это слово. Реакцией было недоумение.

⁸ Единственный известный мне прецедент встречается в Индии: бескорневое имя бога Вишну этимологически означает «разистый», то есть «тот, кому присуще раз [-ойтись, -пространиться всюду]», и такое имя Бога производит, конечно, иное впечатление, чем привычный западный эпитет «вездесущий».

⁹ «Разница между предметами, вещами, или субстанциями, и свойствами предметов, вещей, или акциденциями, состоит в том, что субстанции существуют сами по себе, тогда как акциденции — только благодаря существованию субстанций. Это и составляет главное отличие между словами, обозначающими объекты мысли. Те слова, которые обозначают субстанции, были названы именами существительными (*noms substantifs*)... <...> Так как субстанция — это то, что существует самостоятельно, именами существительными называли все те имена, которые употребляются в речи самостоятельно, не нуждаясь в другом имени, хотя бы они и обозначали акциденции» [Арно, Лансло 1991, 34].

¹⁰ Все переводят «язык говорит» и все впадают в ошибку. Данная субъектно-предикатная тавтология теряет смысл при расподоблении корней существительного и глагола. По-русски, по меньшей мере в профессиональном сообществе лингвистов, а также среди методологов школы Г.П. Щедровицкого, «язык» терминологически понимается как перевод сосюрского *langue*. Во французском имеются еще две лексемы, терминологизированные Соссюром: *langage*, переводимое как «языковая деятельность», и *parole* «речь». По-немецки, как и у нас, есть только два слова, *Sprache* и *Rede*. Однако в истории немецкой философии *Sprache* терминологизировал Вильгельм фон Гумбольдт, у него это и деятельность, и результат. Хайдеггер в данном высказывании несомненно подразумевает деятельность, а она по-русски не может именоваться словом «язык». Поэтому я перевел «речь», имея в виду не *parole* или *Rede*, но *langage*.

¹¹ Существуют осмысленные квазитавтологичные выражения о внутримирном сущем, но они не представляют философского интереса. Так, фраза «пьяница пьянствует» не тавтологична, поскольку трактуется как «тот, что вообще склонен пьянствовать, как раз сейчас этим и занят».

¹² С учетом достижений В. фон Гумбольдта.

¹³ Впрочем, последующие поколения, которым велено считать автора великим мыслителем, не в лучшем положении, коль скоро почтение не прибавляет ясности.

¹⁴ Хотя и не санскритского. В индийской философской литературе нередко можно встретить столь же сложные, как и у Хайдеггера, конструкции, а то и превосходящие их.

¹⁵ В Европе такие люди называются феноменологами, а в Индии йогами.

¹⁶ Ср., впрочем, немаловажное для Хайдеггера Кантово различие «школьной» и «мирской» философии.

¹⁷ В виджнянаваде, школе буддийской феноменологии, в сходной ситуации говорится об извращении от *avidyā* «неведения», понимаемого как *grāhya-grāhaka-dvaya-bhāva*, «субъектно-объектной двойственности».

¹⁸ Ведантисты в стремлении прояснить бытие тоже обратились в свое время к изучению слоев семантики философского текста и способов его освоения [Зильберман 1972].

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Heidegger, Martin (1967) *Sein und Zeit*, Max Niemeyer, Tübingen.

Heidegger, Martin (1994) *Holzwege*, Klostermann, Frankfurt am Main.

Арно, Лансло 1991 – Арно А., Лансло К. Грамматика Пор-Ройяля Л.: ЛГУ, 1991. (Arnauld, Antoine, Lancelot Claude, *Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal*, Russian translation).

Делёз 1998 – Делёз Ж. Логика смысла. Москва, Екатеринбург, 1998 (Deleuze, Gilles, *Logique du sens*, Russian translation).

Карнап 1993 – Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка. Перевод А.В. Кезина // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1993. № 6. С. 11–26 (Carnap, Rudolf, *Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache*, Russian translation).

Хайдеггер 1997 – Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997 (Heidegger, Martin, *Sein und Zeit*, Russian translation).

Ссылки – References in Russian

Зильберман 1972 – Зильберман Д.В. Откровение в адвайта-веданте как опыт семантической деструкции языка // Вопросы философии. 1972. № 5. С. 117–129.

Черняков 2001 – Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 11. P. 176–189

On the Philosophical Legitimateness of Heidegger's Language Licenses*

Andrey V. Paribok

In this article I pretend to systematize the notorious language licenses of Heidegger's philosophical style in "*Sein und Zeit*" and his later works. All their main types are discussed and illustrated by examples. On account of them I conclude the existence of an essential correlation between Heidegger's philosophical self-imposed tasks and the style of their textual presentation. I enumerate 8 principal conventions of the philosophical functional writing style, which were tacitly and universally accepted down to the late twenties of the XX-th century. They include the structure of technical terms as language units, the manner of their introduction and usage in a text, the possible terminologization limits and so on. As a matter of fact, all these rules were numerous and deliberately violated by Heidegger in "*Sein und Zeit*" and later. We witness e.g. terminologizations by him of non-root morphemes (ausfragen, befragen, erfragen...); creation of rootless technical terms (umhaft, Inheit...); the trespass of the prohibition of tautological assertions (Die Welt weltet, die Sprache spricht); extremely cumbersome compound words on the very edge of the language norm (Gewissen-haben-wollen), abrupt disregard of syntax, viz. verbal governing (Fragen nach..., Anfragen bei...). As a consummation of all these licences, we observe numerous newly coined technical and semi-technical terms characterized by intentionally multiple derivation, where all variants are pertinent and ought to be grasped quasi-simultaneously (Abkünftigkeit has five derivation chains, Vorhabe has two, vorgängig has three etc.). As a whole, all these novelties not only tend to establish a new canon of the philosophical functional style, but induce in the reader's mind an unprecedented type of activity and level of reflexivity in his efforts to comprehend the text. The previously extreme and unsurpassable antithesis of a lexical unit as being grasped by the mind in a moment of immobile apperception, and a syntactical structure which is being understood by a thought movement, becomes relative. The reader, therefore, has got a chance to develop an ability to

* The paper is prepared in the frames of the project supported by the RFBR under Grant 16–03–00806 "Methodological Problems of Investigation of History of Philosophy in the Context of Translation Studies".

be present, to witness the activity of his own mind. Finally, this very presence (and not an objectifying thought) discloses us the Being according Heidegger. The Being is non and cannot become an object.

KEY WORDS: semantics, syntax, Heidegger, neologism, derivation, ambiguity, Being, functional style, comprehension activity.

PARIBOK Andrey V. — CSc in Philology, Associate Professor at Faculty of Philosophy of Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

paribok6@gmail.com

Received at March, 4 2018.

Citation: Paribok, Andrey V. (2018) “On the Philosophical Legitimateness of Heidegger’s Language Licenses”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2018), pp. 176–189.

DOI: 10.31857/S004287440001903-8

References

Chernjakov, Aleksei G. (2001) *The Ontology of Time: Being and Time in the Philosophy of Aristotle, Husserl, and Heidegger*, High Religion and Philosophy School, Saint Petersburg (in Russian).

Zilberman, David V. (1972) “Revelation in Advaita-Vedanta as an experience of the semantic destruction of the language”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (1972), pp. 117–129 (in Russian).